

УДК 009+39(571.12)

З.П. Соколова

**Торговля на Обском Севере. Коренное население, 1950-1980-е годы
(Снабжение и потребление. Алкоголь и алкоголизм.
Наличные деньги и бюджет)***

Аннотация. В статье анализируются полевые материалы автора¹, собранные в сельских поселках хантов, манси, лесных ненцев, селькупов и эвенков в 1950-1980-х годах, с точки зрения организации у них торговли. Рассматриваются вопросы завоза продуктов и товаров, их ассортимента и дефицита, потребления, доли алкогольных напитков среди продуктов и товаров, алкоголизма и борьбы с ним, связи торговли (наличные деньги) и бюджета.

Ключевые слова: коренные народы Севера, ханты, манси, лесные ненцы, селькупы, эвенки, торговля и обмен, снабжение и потребление, бюджет и наличные деньги, алкоголь и алкоголизм.

Z.P. Sokolova

Trades on the Ob North. The indigenous people, 1950-1980 (Supply and consumption. Alcohol and alcoholism. Ready money and budget)

Abstract. In article analyzes field researches materials of author. Materials were collected in the Khanty, Mansi, forest nenets, selkups and evenks village in 1950-1980. The article of article considers questions.

Keywords: Khanty, Mansi, forest nenets, selkup, evenks, trades and exchange, supply and consumption, ready money and budget, alcohol and alcoholism.

Предложенная автором тема достаточно актуальна, так как, во-первых, опирается на оригинальные полевые материалы [1], во-вторых, содержит данные и выводы, которые никогда не публиковались и не имеют аналогий в российской этнологии. В рассматриваемый автором период, в основном, издавались этнографические работы, освещающие культуру и обычаи народов Севера. В них не затрагивались острые проблемы, касающиеся развития их традиционного хозяйства, материального уровня жизни, изменения образа и уклада жизни, явившиеся результатом проведения ускоренной государственной программы приобщения народов Севера к европейской цивилизации. Негативные последствия этих мероприятий были закрытой темой и находили освещение не в публикациях, а в отчетах сотрудников института этнографии АН СССР, работавших в составе Северной экспедиции Института этнографии АН СССР, работавших в составе Северной экспедиции института, но

по большей части – в виде специальных «докладных записок», которые писали сотрудники «сектора по изучению социалистического строительства у народностей Севера» Института этнографии АН СССР (далее – ИЭА; в их состав входила и я). Эти записки направлялись в Отдел по социально-экономическому развитию районов проживания народностей Севера при Совете Министров (далее – СМ) РСФСР, а также в местные советские и партийные органы. По ним принимались соответствующие меры, вплоть до специальных решений СМ СССР и РСФСР и ЦК КПСС. Эти записки были опубликованы лишь в начале нынешнего века [2]. Только в конце 1980-х–начале 1990-х годов стали появляться отдельные публикации, дающие представление о тех трудностях и негативных явлениях, с которыми проходили преобразования хозяйства, культуры и быта народов Севера [3; 4; 5; 6; 7]. Однако они имели, в основном, общий характер, конкретные материалы, касающиеся данных проблем, не рас-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ «15-01-00452 «Антропология рынка и трансформация социальных связей у коренных народов Севера, Сибири и Дальнего востока» (рук. Ссорин-Чайков Н.В.).

сматривались в таком детальном плане, как в предлагаемой статье.

Данная статья восполняет существующий пробел в этнологии по очень важным проблемам: деятельность торгующих организаций, система магазинов и доставки продуктов, товаров и пр., их ассортимент, реализация и снабжение ими народов Севера, способы расчетов, материальный уровень жизни аборигенов Севера и их отношение к деньгам, обменные связи и торговля, алкоголизм, его причины, способы борьбы с ним, связь местных бюджетов и торговля (роль наличных денег).

Предложенная автором тема опирается на полевые дневники, частично опубликованные в начале нынешнего века в виде статей [8] и книги [9], отчеты и докладные записки. В 1950-1980-х годах я работала среди ханты, манси, лесных ненцев, селькупов и эвенков Ханты-Мансийского (Югра) и Ямало-Ненецкого округов (далее ХМАО и ЯНАО) Тюменской области, а также в Томской области (селькупы и эвенки). Они расселились в бассейне Оби с многочисленными притоками (Куноват, Сыня, Казым, Северная Сосьва с притоком Ляпин, Большой и Малый Юган, Аган, Вах с притоком Колекъеган (ханты, манси, ненцы), а также Кеть (селькупы, эвенки). Я собирала материалы только в сельских селениях с населением от 20-50 до 300-600 человек, в каждом – около двух-трех недель, в некоторых побывала по 2-4 раза в разные годы. По трем рекам (Казым, Сыня, Вах), а также по нижней Оби мне удалось проплыть на лодке и катере от 120 до 500 км (всего свыше 1000 км) с остановками в постоянных и сезонных селениях, рыбацких стоянках.

Поскольку большая часть этих групп населения расселялась по относительно небольшим речкам (притокам Оби и Иртыша) в тайге, основными занятиями были рыболовство, охота, оленеводство и собирательство (орехи, ягоды). Некоторые семьи имели оленей. Все они вели полуоседлый образ жизни: имели постоянные зимние поселения с зимними домами, но

с весны по осень разъезжались по своим угодьям ловить рыбу, где у них были сезонные селения. Спецификой этих рыболовецких селений было то, что рыба в притоках Оби была не всегда и существовали запреты на ее вылов, т. к. речки были нерестовые. В основном здесь ловля рыбы начиналась в августе-сентябре, а где-то и в ноябре (практиковался и зимний подледный лов рыбы). В остальное время, весной и летом, рыбаки вместе с семьями уезжали рыбачить на больших крытых лодках в низовья Оби и Иртыша (т.н. «экспедиционный лов» рыбы). Особенно тяжело бывает весной, в апреле-мае, когда рыбы еще нет, а продукты в магазине кончились и новых еще не завезли. С 1950-1960-х годов стало развиваться клеточное звероводство. Все эти занятия давали заработок и обеспечивали питание (рыба, мясо); из шкур зверей и оленей шили одежду и обувь, покрышки для чума, утварь, которую (в том числе посуду) изготавливали также из дерева, бересты, меха, кости, травы, корня. Можно сказать, что до 1940-1950-х годов хозяйство народов Севера было почти полностью натуральным, в магазинах закупали в основном муку, чай, сахар, соль, из товаров – мыло, боеприпасы. Исключение составляли ханты, манси и селькупы, жившие по Оби, Иртышу и низовьям их притоков. С одной стороны, здесь было много хороших рыбных и сельскохозяйственных угодий и уезжать надолго в другие места для промысла рыбы не требовалось; с другой стороны, они жили в тесном соседстве с пришлым (нередко старожильческим) населением (русскими, коми-зырянами и др.), которые, кроме рыболовства, занимались овощеводством и животноводством. Со временем к этим занятиям и магазинным продуктам привыкло и местное аборигенное население и перешло к оседлому образу жизни.

Одна из групп, которую я изучала – ханты р. Казым (правый приток нижней Оби). По языку и культуре они относятся к северной группе хантов. На катере и весельной лодке в 1956 г. вместе с сотрудницей Ханты-Мансийского округа и помощ-

никами студентами-хантами мы проехали почти всю реку от с. Полноват (ниже устья Казыма, на Нижней Оби) до пос. Юильск (свыше 350 км, останавливаясь в разных селениях. Их тогда было 11 (сейчас официально существуют 5). Магазины и пекарни были в селе Полноват и пос. Казым, ларек – в пос. Юильск. Здесь (кроме Полновата) жили ханты, приезжего населения было мало (учителя, врачи, администраторы). Основу пищи составляла рыба, которую добывали сами, весной и осенью – дичь, а также ягоды, орехи, зимой – лосиное и оленье (дикого оленя) мясо. В магазине чаще всего покупали муку, из которой сами пекли хлеб там, где не было пекарен. Закупали также чай, сахар, соль, сухари, сушку, печенье, конфеты, изредка мясные консервы. Сливочное масло, сыр и колбаса (они были в продаже в 1956 г.) по стоимости были доступны далеко не всем (чаще всего их раскупало русское население). В Полновате была ферма, которая продавала свою сметану, но ханты покупали ее редко. Из промышленных товаров в основном раскупали ткани (ситец, сатин, сукно), особенно ценились цветные однотонные ткани: они шли на шитье платьев и распашной сезонной одежды – халатов (типа пальто), а также на украшение ее аппликативными полосками из цветных тканей. В это время женщины носили свою национальную одежду (готовую одежду из магазина носили мужчины). Обувь (кожаные туфли, сапоги) шили сами из местной оленьей замши (ровдуги). Мужчины чаще всего носили резиновые сапоги, купленные в магазине. Утварь была самодельной. У оленеводов покупали оленьи шкуры для шитья зимней одежды и обуви [ПМА, 1956].

В 1969 г. больше полутора месяцев я с художником проработала в с. Полноват, поселках Тугияны, Казым, Юильск. Многих мелких селений уже не было, их жители были переселены в Полноват и Казым в связи с реорганизацией колхозов и укрупнением поселков. В целом жизнь хантов мало изменилась, хотя в связи с переселением была частично утрачена националь-

ная культура: изменились жилище (выстроенное по типовым проектам), одежда и обувь, утварь. Так, женская молодежь уже стала носить только покупную одежду и обувь, шире стали использовать покупные продукты: хлеб, крупы, консервы (в том числе фруктовые, которые раньше не воспринимали как пищу). Некоторые семьи хантов имели огороды (картошка), коров, лошадей. По-прежнему рыболовство и охота (в Казыме – и оленеводство) были основными отраслями хозяйства. Заработки были небольшими: у рыбаков – 30 руб. (в этих реках водилась низкосортная рыба – т. н. «черная рыба»), доярки получали 20 руб. зимой и 60 руб. летом, охотник мог сдать пушнины по закупочным ценам на 400 руб. за сезон [ПМА, р. Вах, 1957; р. Казым, 1969]. Больше стали завозить вино-водочных изделий, случались драки, несчастные случаи и убийства на почве пьянства [ПМА, 1969].

После проведения коллективизации в 1930-х годах коренное население было привязано к поселкам – центрам колхозов (рыболовецкие и – реже – сельскохозяйственные артели), где непременно был магазин. В 1950–60-х гг. на Обском Севере происходило массовое так называемое «сселение и оседание» кочевого населения. В действительности оно касалось не только кочевого, оленеводческого населения, но и полuosедлых рыболовов и охотников. Тем не менее, они также были переселены, часто в принудительном порядке, из своих селений в более крупные. Так называемое «сселение» совпало с укрупнением колхозов, а затем и реорганизацией их в совхозы, кооперативные промысловые хозяйства (промхозы) и рыбоучастки рыбозаводов. Рыбоучастки и промхозы основной отраслью имели рыболовство, рыбаки сдавали рыбу на специальные приемные пункты для рыбозаводов (рыбаки получали спецодежду). Рабочие промхозов занимались также и охотой, незначительная часть оленеводческих совхозов – оленеводством. Мелкие поселки (а вместе с ними магазины – так называемые «лавки») были ликвидиро-

ваны, в новых поселках были заново построены магазины. Если в колхозах за труд начисляли трудодни и колхозники нередко получали натуральную оплату (рыба, мясо, шкуры и т. п.), то теперь рабочие промхозов и совхозов получали денежное вознаграждение (зарплата). Престарелые получали пенсии, все имели доступ к социальной помощи (так называемые льготы), которая оказывалась в денежном (пенсии), но чаще в натуральном виде (например, на каждого новорожденного выдавали бесплатное приданое, бесплатно или – реже – за 50 % платы). Дети содержались в детских учреждениях, интернатах. Для народов Севера были установлены правила внеконкурсного поступления в вузы.

Тем не менее, уровень жизни населения был низким. Доходы в семьях были невысокими. Из докладной записки в связи с переселением хантов из поселка Колекъеган «От построек 1950-х гг. осталось 7 домов, один из них заброшен и, как другие заброшенные дома (в т. ч. школьное здание), скорее всего, будет сожжен на дрова. Как уже говорилось, хозяйство в поселке развалено, круглогодичной занятости населения нет, перспектив дальнейшей жизни в нем нет, население живет в основном рыбой, некоторые тунеядствуют, все пьянствуют» [10, 164].

Зарплата рыбака была небольшой, особенно в промхозах. В 1950-1960-х годах она составляла в месяц (в пересчете на денежную реформу 1960 г.) у рыбаков 30-40 (редко до 100-150) руб., у охотников – 75-90 руб., у оленеводов – 75-100 руб. Доярка получала 30 (зимой) и 50 руб. (летом), конюх – 109 руб., зверовод – 72-95 (до 300) руб., моторист – 72 руб., киномеханик – 90-120 руб., зав. клубом – 79 руб., ветврач, экономист – по 300 руб., работники детских учреждений – 100 руб., воспитатель интерната – 110 руб., заведующий – 140 руб., няня – 20 руб., прачки – до 35 руб., повар – 80 руб. Средняя зарплата колебалась между 40-50 и 75 руб. [ПМА, р. Куноват, 1962; р. Казым, 1969]. На Сыне в пос. Овгорт в 1962 г. в совхозе среднемесячная зарплата была 75

руб., в оленеводстве – 95-100 руб., у рыбаков – 98-100 руб., охотников – 75-80 руб., доярок – 85-90 руб., полеводов – 55-60 руб. рыбаки зарабатывали летом 70-150 руб., на подледном лове зимой – по 200 руб., конюх – от 73 до 109 руб., на пастьбе личных коров – 69 руб. В 1980-х годах заработки стали несколько выше: заведующий детским садом – 140 руб., воспитатели – 110 руб., няня – 70 руб., кочегар – 70 руб., повар – 80 руб. Более высокими были заработки в местной промышленности, так, житель пос. Варьеган (р. Аган), рабочий на лесопилке П.Я. Айваседа получал 160-180 руб. Рыбаки при рыбозаводах, рабочие совхозов, служащие учреждений получали ежемесячные северные надбавки к зарплате от 10 до 50 % (в зависимости от стажа работы) – так же, как и все приезжие специалисты. С учетом этого рабочие в Новоаганске (рядом с Варьеганом) на лесопилке зарабатывали по 300-400 руб. Этой надбавки были лишены рыбаки и охотники промхозов, зарплата которых была ниже, чем у работников сферы обслуживания. Они получали свой заработок за счет добытой и сданной государству рыбы и пушнины. Расценки на нее были очень низкими: шкурка белки – 1 руб., горностая – 3,30 руб., ондатры – 1,60 руб., соболя – 20 руб., росوماхи – 18 руб. [ПМА, 1989; 9, 235].

В тех районах, где я работала, у рыбаков и охотников было очень мало личных оленей (20 голов – это уже было много!), шкуры для одежды и обуви приходилось покупать у оленеводов. В новых поселках, где дома топились печами, надо было покупать дрова (обычный для чума или избушки хворост не выручал). Они не были дешевыми (их заготавливали колхозники или рабочие промхозов за зарплату). Так, в 1962 г. ханты в Овгорте жаловались, что дрова подорожали в 2 раза (с 3,2 руб. до 6,16 руб.). Подсобные занятия были редки. Огороды, засаженные картошкой, появились в 1950-х годах в связи со сселением, но прижились много позднее, уже в конце 1980-х годов. В 1989 г. на р. Большой Юган в огородах уже выращивали также лук, пе-

трушку, укроп, в теплицах – помидоры. В крупных поселках стали держать коров, овец, лошадей. Пример подавали приезжие специалисты (в 1988 г. в низовьях р. Вах одна русская учительница собирала до 20 и более ведер клубники). Однако это относилось лишь к небольшому числу поселков, чаще всего центров сельских советов. В колхозах и промхозах женщины и дети зарабатывали на сборе кедровых орехов и ягод. В Овгорте в 1962 г. голубику принимали по 60 коп. за 1 кг [ПМА].

Пенсии чаще всего везде были минимальные: 8-12 руб. – пенсия бывшего колхозника. Но и такие пенсии получали не все, а только те, кто мог документально подтвердить свою работу в том или ином колхозе, что было не всегда возможно, т.к. при реорганизации колхозов часть их архивов была утрачена. Тогда требовались два письменных подтверждения свидетелей работы данного человека). В совхозах не только зарплата, но и и пенсии всегда были выше в два раза, составляя от 20-27-32 руб. (например, в Полновате в 1969 г. пенсии по 9 руб. были у трех человек, по 16 руб. – у четырех, по 20 руб. – у 20 человек, от 13 до 34 руб. получали 5 человек; в пос. Казым (1969) у 27 пенсионеров пенсия была 12 руб., у 9 – 30 руб., у 39 – 30-50 руб., у 7 – свыше 50 руб.; у ханта Вандымова в пос. Казым – 40 руб.; в с. Шеркалы пенсия одной моей знакомой хантыйки равнялась 83 руб. У оленеводов и охотников пенсии составляли от 9 до 30-50 руб., у некоторых рабочих – 50-90 руб. [ПМА].

Дополнительный доход некоторые семьи получали от выделки шкур и продажи традиционной одежды, обуви и утвари, которую делали женщины. Не все из них умели обрабатывать шкуры оленя, лося, белки, ондатры для одежды и обуви, делать ровдугу, местную замшу. Они продавали также свои национальные изделия: берестяная коробка – 5 руб., платье – 10-15-25 руб., легкий тканевый халат (в некоторых районах женщины носили его поверх платья) – 30-40 руб., суконный халат – 230 руб., мужская рубашка – 75-

90 руб., маличная рубашка – 150 руб., сапоги из ровдуги – 50-60 руб., меховые сапоги – 100-150 руб., с меховыми чулками – 250 руб., вязанные шерстяные носки – 15 руб. (последние чаще всего продавали коми-зыряне). Уже в 1950-1960-х годах не все женщины у хантов и манси умели их шить и особенно украшать аппликацией и бисером. В пос. Лопхари (Куноват) Е. Тоярова шили меховые сапоги бурки на заказ. Некоторые мужчины делали по заказу традиционные средства транспорта – лодки, лыжи, нарты. В 1950-1960-х годах на Оби работали студенты (т. н. «строительные отряды» – строили дома, общественные здания), в 1969 г. в пос. Юильск (р. Казым) я была свидетелем покупки одним из студентов шкурки выдры за 50 руб. (это было выше государственных заготовительных цен). В 1970-1980-х годах в Западной Сибири появились и туристы, несколько таких групп мы встретили в верховьях Сыни в 1971 и 1972 годах. Они тоже искали, у кого можно купить пушнину [ПМА].

Для народов Севера существовали льготы. Помимо перечисленных выше, это были компенсации за построенные для них новые дома (нередко за счет государства списывалось до 90 % и более из суммы в 2-3 тыс. руб.) [ПМА, р. Вах, пос. Корлики, 1957]. Плата за квартиры в домах геологической экспедиции в пос. Казым в 1969 г. составляла всего 2-2,64 руб. в месяц. Списывались и долги за радио (ежемесячная плата была 50 коп. в месяц). Дети ханты, манси, селькупов и ненцев летом могли бесплатно отдыхать в лагерях, в том числе и на юге страны. Как правило, это были льготы в натуральном виде. В 1980-х годах в нефтедобывающих районах (р. Б. Юган, Аган) изредка выплачивались денежные компенсации (до 400 руб. на семью), их распределял сельский сход, состоящий из активных жителей поселка. В пос. Варьеган на р. Аган в 1988-1989 гг. ненец П.Н. Айваседа получил единовременное безвозмездное пособие 30 тыс. руб. [ПМА].

Существовали обычаи дележа добычи и дарения. Так, на Куновате (1962) мясо добытого на охоте зверя делят коллективно, «как бы делая подарки» [9, 241]. На р. Аган (Варьеган) бытовало следующее правило взаимопомощи и дарения: принесенную с рыбой тарелку в ответ надо было чем-нибудь наполнить. Давать и отдавать следует по 2 куска чего-либо («если давать по одному – будешь маяться один»). Своеобразный обычай существовал у хантов и манси: они приносили в жертву (в дар) духам и богам деньги, отрезки тканей, платки и пр. (эти дары назывались у хантов лух). При этом можно было в случае необходимости взять из луха, но чем-то возместить взятое [ПМА, 1969, 1989].

До начала интенсивного промышленного освоения Западной Сибири (добыча нефти и газа) в 1970-1980-х годах аборигенное население уже начало терять преимущества своего натурального хозяйства: снизилась численность зверя в тайге, рыбы в реках в связи с отторжением и загрязнением части промысловых угодий (выделяемые нефтяниками компенсации за утраченные промысловые угодья были незначительны и выплачивались как в денежной, так и в натуральной форме). Помимо этого, в тайге промышляли браконьеры из числа приезжего населения (буровиков, нефтяников и пр.). Кроме этого, много рыбы перерабатывалось на многочисленных местных рыбоконсервных заводах и комбинатах. Рыбы, дичи, зверя не хватало для питания, все чаще надо было обращаться в магазин. Происходил постепенный переход аборигенного населения к денежным отношениям.

Торговля на Обском Севере налажена давно. До 1917 г. это были купцы и перекупщики пушнины, которые нередко выменивали «мягкое золото» за продукты, в том числе водку и спирт. В советское время появились фактории и магазины. После революции торговлей на Севере занимались разные организации Главное Управление Северного морского пути (далее – ГУСМП), Госторг, Интегралсоюз, в

рассматриваемое время – Роспотребсоюз (с отделениями в округе – окррыболовсоюз, районе – райрыбкооп). В рассматриваемый мной период торговлю среди аборигенного населения организовывали рыболовецкие кооперативы (далее – рыбкоопы) Роспотребсоюза. Их члены платили небольшой вступительный взнос. На этих условиях снабжались и представители приезжего населения. Кроме того, у нефтяников, газовиков, работников лесной промышленности существовала и своя торгующая организация – ОРС (рабочее снабжение). Аборигенное население могло покупать в таких магазинах продукты и товары, но по другим, более высоким (комиссионным – больше на 30-50 %) ценам.

Магазины в больших поселках (центрах сельских советов) иногда занимали небольшие помещения, часто ветхие, нередко приспособленные из бывших жилых строений, в них было недостаточно или совсем не было витрин, полок, не было достаточно хороших складских помещений. Продукты и товары негде было хранить, было грязно, продукты (особенно сахар и соль) и товары отсыревали. Так, в поселке Лопхари (р. Куноват) летом 1973 г. торговали мокрым сахарным песком [ПМА]. В маленьких селениях были т. н. «лавки» (этот термин, означающий магазин, прочно вошел в языки аборигенов), небольшие приспособленные к торговле помещения. В таком ларьке в селении Ломбовож в 1966 г. я покупала продукты: продавец была без халата, товары лежали на полу [ПМА]. В поселках, где были выстроены специальные помещения для магазинов, они не всегда работали (ремонт, ревизия товаров и т. п.). В этих случаях торговали в ларьках, например, хозяйственных [ПМА, р. Сыня, пос. Овгорт, 1972, 1973]. Кадры продавцов нередко были недостаточно квалифицированными, среди них было немало случайных людей, не обладавших навыками культуры общения с населением, нечестных (часты были спекуляции водкой, обвесы, обсчеты, грубость в отношении аборигенов, не всегда владевших грамотой и умением считать).

Чаще всего это были приезжие люди (русские, коми-зыряне, татары и др.). В 1950-1960-х годах проходили мероприятия т.н. «коренизации кадров», когда на различные должности (в том числе и продавцов), выдвигались ханты, манси, однако большинство таких продавцов не выдержали испытаний: либо спились, либо были уволены или даже арестованы за растраты. Так, в 1963 г. в пос. Согом (бассейн Нижнего Иртыша) продавец-хантыйка, член КПСС, растратила 2 тыс. руб., ее осудили [ПМА]. Нередко такие случаи были связаны с представлениями хантов о том, что все, чем торгует их соплеменник, принадлежит ему, поэтому его родственники считали возможным брать продукты и товары, не рассчитываясь. Продавец хант не мог отказать своим родственникам (а их, как правило, у него было много) в том, чтобы не дать «в долг» продукты и ту же водку. А долги чаще всего не возвращались. Все продавцы нередко торговали в долг, т.к. у населения не всегда были наличные деньги (перед выдачей аванса, зарплаты, пособий). Для этого они вели специальные тетради (такую тетрадь я видела в 1962 г. в пос. Лопхари) [ПМА]. Практиковалась, особенно в 1950-1960 годах, разъездная торговля. Это были самоходные баржи, которые летом завозили продукты и товары в небольшие селения, расположенные на маленьких речках в тайге и не имевшие магазинов. Разъездная (или «выносная») торговля велась и во время летних и зимних праздников – День рыбака, День оленевода и т. п. Местные магазины организовывали ее на берегу реки, около селения.

В 1950–1980-х годов во время работы в составе Северной экспедиции ИЭА особое внимание мы обращали на снабжение и торговлю, так как часто слышали от населения жалобы (недостаточность завоза продуктов и товаров, их небольшой ассортимент, незнание местных потребностей – отсутствие товаров «национального спроса и др.). Завоз продуктов и товаров происходил по воде весной и осенью, когда вода была большая. Летом реки мелели и

доставка продуктов и товаров прекращалась. Зимний завоз был возможен лишь по воздуху, но это было слишком дорого. Традиционный зимний транспорт на лошадях по существующим издавна зимникам был утрачен с угасанием общественного коневодства на базе существовавших колхозов. Для этих территорий характерны частые перебои в доставке продуктов и товаров, особенно тяжело было весной (до вскрытия рек), когда все запасы были съедены [ПМА]. Я приезжала на север обычно в июне. В это время магазины были пустые, в них не было даже хлеба или муки [ПМА, д. Иванкино на Оби в Томской обл, 1958; пос. Угут на р. Большой Юган, 1965; д. Ломбовож, Щекурья на р. Ляпин, 1966; пос. Казым, 1969 и др.]: «В магазине – консервы («банки», как здесь говорят), крупа, промокшая лапша, вино. Промтоваров мало...» [ПМА, 1969; 9, 107].

Ассортимент продуктов и товаров, как правило, не был достаточно обширным. Лишь в нескольких поселках я наблюдала неплохой (относительно разнообразный и полный) набор продуктов и товаров [ПМА, с. Полноват, р. Казым, 1956; пос. Лопхари, р. Куноват, 1962]. Основной набор продуктов составляли мука, крупа (хорошо, если разных сортов), хлеб, чай, сахар, конфеты, сухие кондитерские изделия (сухари, сушки, баранки, печенье, пряники, вафли), соль, дрожжи (в маленьких селениях хлеб выпекали сами в уличных печках), консервы. В колхозах были фермы, свои молоко, сметана, творог, выращивались картофель, помидоры и капуста (в парниках). Сметану мы покупали в селе Полноват в 1969 г., сметаной и творогом торговали в пос. Лопхари на р. Куноват (1972 г.), капустой, огурцами (по 2,5 руб.) и картофелем – в пос. Ямгорт. С ликвидацией колхозов и ферм даже в интернатах дети оставались без молока. В 1970-1980-х годах стали завозить апельсины. Большим недостатком было плохое качество упаковки, не было также мелкой расфасовки продуктов, что было характерно еще для торговли в системе ГУСМП. В рассматриваемое время эти

правила соблюдались лишь для продуктов, предназначенных геологам.

Основной набор товаров – сукно, хлопчатобумажные ткани, обувь, в том числе резиновая, мужская готовая одежда и обувь, посуда, чемоданы (популярные после 1960-х годов, когда женщины и мужчины разучились делать свою утварь), мыло; в 1970-1980-х годах – также и тюль, мебель, транзисторы, детские игрушки. Характерна ограниченность ассортимента. Из докладной записки: «О современном положении хантов Шурышкарского района Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области», р. Сыня, Куноват, 1962 г.: «Снабжение в районе в общем налажено неплохо, но ассортимент завозимых товаров не учитывает потребностей коренного населения. В продаже нет или совсем мало товаров национального спроса: одежды, особенно детской, обуви, посуды, дешевых тканей, сукна, бисера и т. д. В Восяховском интернате на 66 чел. было 34 кружки. Плохо со строительными материалами, с красками, нет извести. В ряде пунктов (пос. Овгорт, Ямгорт) плохо с продуктами – нет консервов, печенья, масла, мяса, рыбы. Плохо снабжаются рыбаки на промыслах, ларьки на самоходных баржах здесь редкие гости» [11, 358-359].

Из докладной записки 1989 г.: «Снабжение продуктами поселков показывает, что консервов, во-первых, не хватает (в пос. Варьеган, например, на 1 чел. в год завозится по 3 банки тушенки!), во-вторых, они дороги, т. к. завозятся по комиссионной цене (в магазине пос. Угут банка говяжьей тушенки стоит 2 руб., свиной – 3 руб. 60 коп., кролика – 7 руб. 30 коп.). Плохо с детским питанием, нет мяса, рыба в продаже бывает крайне редко... При сокращении охоты на мясного зверя, рыболовства и угасании личного оленеводства создается тяжелое положение с питанием. Некоторые малообеспеченные семьи хантов и ненцев, живущие в поселках, нередко, особенно весной, влачат полуголодное существование». «У нефтяников свое особое снабжение по талонам, а в рыно-

ке все равно покупают. Цены часто кооперативные: в магазине – 2, а не 1 руб. за банку тушенки, свинина – 3 руб. 60 коп. На полке для хантов только завтрак туриста» [ПМА, 1989; 12, 201].

Дефицитны были мясо и рыба, молочные продукты, сливочное и подсолнечное масло, галеты, мясные и молочные (сгущенные молоко, какао, кофе) консервы, яичный порошок и сухие молоко и сливки, сыр, яйца, сухие лук и картофель, мало было разнообразных круп. Дефицитными были сукно, бисер, иголки, головные платки, гребенки и гребешки, металлические лодки-казанки, подвесные моторы. В то же время отмечу плохой подбор продуктов и товаров. Нередко в магазины завозят продукты и товары, которые никак у хантов и манси не могли пользоваться спросом в те годы: панировочные сухари, сухой кисель, рыбные консервы (там, где была своя рыба), варенье, консервированные овощи (борщ, голубцы) и фрукты (компот из ананасов), а также лейки, велосипеды, дипломаты и т. п. [ПМА].

Товары и продукты раскупались быстро. Из продуктов и товаров наибольшего спроса особенно ценились сукно (черное и цветное), ситцы, сатин, женские платки, в том числе большие с кистями, которые носили женщины и по обычаю «избегания» закрывали ими лица. Платки широко использовались как дары в различных обрядах, в том числе и для почитаемых духов, а также на медвежьем празднике. Вино, водка иногда запасались, их пили, хранила для обрядов и даров. Широко раскупались обувь, табак, папиросы, спички, в некоторых районах, где перешли на европейскую одежду – платья, костюмы, пальто и пр. Товарами «национального спроса» были сукно, бисер, большие головные цветастые платки («павловские»), специальные иглы (тонкие для шитья бисером и с большими ушками для шитья сухожильными нитками одежды и обуви, бересты), наперстки без дна, маленькие размеры одежды и обуви (аборигены, как правило, были низкого роста) и другие, подобранные «с учетом

местных потребностей и национального вкуса» [13, 191]. К сожалению, торговые организации не учитывали эти потребности и особенности национальной культуры.

Торговля было как легальная, так и теневая. Часть дефицитных товаров шла «из-под прилавка» – родственникам, разным знакомым продавца, и, конечно, начальству. Существовала обменная торговля. Чаще всего это касалось обмена добытой пушнины на водку между местными охотниками и приезжими (нередко случайными) людьми. С коми-зырянами ханты на р. Сыня обменивались тоже: из районного центра Мужы (на нижней Оби) приезжали зырянки и меняли свои изделия (носки, вязаные из овечьей или собачьей шерсти, рукавицы, шерстяные шнурки для подвязывания меховой обуви на «лапы» (шкурки камусы с оленьих ног) для подошв зимней обуви [ПМА, 1971; 9, 164]. Пушнину по-прежнему можно было выменять на водку или спирт. При этом обмен часто был неравноценен, водкой спекулировали. В связи с этим интересно заметить, что в отличие от водки и пушнины рыба не была товаром и не расценивалась как деньги. Для рыбаков хантов и манси характерна одна особенность: если рыбаки возвращались с уловом в поселок, или сдавали выловленную рыбу для рыбозавода, любой человек мог подойти или подъехать и попросить рыбы. Отказа, как правило, не было. Продавать и покупать рыбу было бессмысленно: ханты и манси ловили ее сами (как и некоторые русские, особенно старожилы), другие могли ее попросить у рыбаков. Из этого обычая родилась местная поговорка: когда рыбаков спрашивают, есть ли у них рыба (чтобы ее попросить), те отвечают: «Рыбы нет – щука есть» (ханты считают хищницу-щуку зверем, а не рыбой; кроме того, она не очень ценится за свои качества). Не были товаром и орехи, ягоды, потому что их все предпочитали собирать сами: это было просто (их было много) и в то же время было удовольствием. Сбором кедровых орехов («шишкованием») занимались всей

семьей, вместе с детьми, для которых это было ежегодным развлечением; если кедровые рощи были далеко – «артелями» (группы мужчин и женщин, не обязательно родственники). Ягод даже вокруг селений было много, особенно ценились морошка (летом), брусника (осенняя ягода) и клюква (ее собирали зимой из-под снега). В некоторых местах было много хорошей крупной («как виноград») черной смородины. Так, в 1963 г. на р. Сыня около поселка Овгорт поляны были красными от брусники и даже я набрала около 10 кг и увезла с собой в Москву (брусника очень ценная ягода и долго хранится в воде всю зиму). В 1989 г. на р. Большой Юган в пос. Угут мой старый знакомый по поездке 1965 г., бывший председатель сельского совета Усков хвастался, что он за несколько часов в 25 км от поселка набрал 2,5 ведра отборной черной смородины. Он сказал, что в некоторые сезоны они варили по 100 кг варенья [ПМА].

В целом следует отметить следующие недостатки: весенне-летнего завоза продуктов и товаров на весь год не хватало. Весной нередко жили впроголодь, питались лишь рыбой, хлебом (сушками, сухарями), тем, что могла добыть (зверь, птица); далеко не полон был ассортимент продуктов и товаров, не хватало товаров необходимого спроса; завозилось много алкогольных напитков, нередко в первую очередь. Это было характерно не только для Обского Севера, но других регионов Сибири. В докладной записке 1963 г.: по торговле мной были предложены меры: «1. Коренное улучшение снабжения городов и поселков, особенно в ассортименте: кондитерские изделия, концентраты, мясные и молочные консервы, сыр, молоко, яичный порошок; обувь (пинетки, женская 33–36 размеров на низком каблуке, мужская, школьная и дошкольная); ткани новых типов, трикотаж, х/б ткани, чулки, носки (особенно мужские), ватные, шерстяные одеяла, платки, косынки, головные уборы (особенно женские и детские); мужские часы, фотохимикаты, бумажно-бело-

вые, музыкальные товары, грампластинки, динамики, детские игрушки, детская литература, железо-эмалированная посуда, зубной порошок и паста, пуговицы, женские гребенки» [14,70].

Недостатки в торговле отражались на питании коренного населения. В основе питания была рыба. Весной и летом чаще всего завтрак, обед и ужин составляют хлеб (или лепешки) или, если оставались от прошлого сезона, – сухари и сушеная рыба, обязательно – чай (не всегда с сахаром). Любая трапеза называется «чай пить». Зимой трапезу дополняло мясо дичи, изредка – лосиное мясо. Вообще рыболовы и охотники относительно много мяса ели лишь во время праздников (медвежьего) и обрядов (похоронных, в честь умерших и почитаемых духов забивали оленей, изредка – скот). Обязательно варили к чаю варенье – из морошки, смородины, много ели брусники. Материалы бюджетов некоторых семей хантов говорят о том, что часто продуктов не хватало. Так, рыбак Прасин Г.Т. (р. Вах) вместе с женой заработал на рыбе 2 тысячи руб. Продал сапоги-кисы за 400 руб., имеет 10 рабочих оленей и 5 телят. Получил за провоз почты 500 руб. Продал 2 важенки по 400 руб. Мясо свое. Купил следующее: пальто за 713 руб., костюм х/б за 156 руб., ткань бельевая 20 м, ситец – 20 м, ботинки жене за 80 руб., 4 оленьи шкуры по 60 руб. (240 руб.), муки 2 ц (черной, ржаной), 2 мешка, пшеничной 1 мешок, 1 мешок белой крупчатки). В комнате есть кровать, три стула, стол и все спальные принадлежности [ПМА, 1957]. «На реке Малый Юган ханты живут на угодьях. Рыбы нет, так как вскрывшиеся реки соединились с болотами. Семья Ачимова С.К. из трех взрослых закупила на 1000 руб. 7 мешков муки, 2 мешка крупы, 2 мешка баранок, 1 мешок сахара, 1 ящик печенья, а также понемногу банок сгущенки, компотов, консервов [ПМА, 1988]. И это – на 8 месяцев, до следующей самоходки». Из газеты «Ленинская правда» за 02.06.1989: «И у всех семей крупа закончилась давно, ею кормили промысловых и ездовых собак,

так как рыбы добывали мало. Хорошо еще, что лося убили, съели. Конечно, надо было бы купить продуктов побольше, тысячи на полторы, зима была неблагоприятной, денег заработали на охоте мало» [ПМА, 1988].

В 1962 г. я была в доме ханта М. Пугурчина в пос. Овгорт (р. Сыня). На столе у них были чай, сушки, рыба – вяленая, соленая и малосольная. В 1971-1973 годах я ездила в экспедицию к хантам р. Сыня вместе с мужем и сыном (муж управлял моторной лодкой, сын был на каникулах). В 1971 г. во время пребывания в пос. Овгорт на р. Сыня я была в доме Д.Н. Лонгортовой, с которой была знакома с 1962 г. Она попросила у меня в долг 3 руб. и принесла из магазина буханку белого хлеба, две банки компота, две пачки сухого киселя, спички и папиросы [ПМА, 1971; 9, 162]. Обещала сделать для меня берестяные коробки (но не сделала и долг не отдала – это была, очевидно, плата за информацию: я расспрашивала ее о ее отце-шамане, арестованном в 1950-х годах). Вообще в те годы ханты, манси, ненцы, селькупы, эвенки не требовали платы за информацию («за сказки»). Но я, чтобы расположить к себе (в основном женщин), дарила им привезенные из Москвы красивые цветастые головные платки, модные у них, бисер, особые иглы с большими ушками для шитья одежды и обуви. В 1972 г. мы с мужем вечером пришли в гости к единственному тогда в селении Вытвожорт (р. Сыня) жителю Г.Н. Куртямову (остальные уехали ловить рыбу в низовья реки). На столе, кроме обязательного чая (с сахаром и конфетами), были соленая и сушеная рыба, заготовленная в прошлом сезоне, хлеб, сушки [ПМА, 1972; 9, 178-179]. Тогда же во время остановки на семейном оленьем стойбище в Хорьере (недалеко от пос. Овгорт) у ханты Муркиных я наблюдала за их бытом. Они ели, в основном, рыбу – вареную, сушеную специальным образом на воздухе и над костром (шомох), в том числе и сырую [ПМА, 1972]. В 1973 г. я была в гостях у своей старой знакомой

ханты Марии Муратовой. Она специально сходила в магазин и купила хлеба, овощные консервы (голубцы), банку сгущенного молока, пряники, вафли, чай [ПМА, р. Куноват, 1973; 9, 87]. В 1988 г. мы с сотрудницей школьного музея г. Мегион В.И. Сподиной на вертолете попали в крошечное (на 4 семьи) селение Ачемовы 2-е (р. Малый Юган). Ночевать пришлось у ханты Кельминых в доме, поэтому мы ужинали вместе. В это время рыбы в реке не было. На столе были чай, сахар, сгущенное молоко, сушки, конфеты. Мы добавили от себя банку тушенки, яйца, печенье и яблоки [ПМА].

Дважды я побывала на похоронах ханты (1957 г., р. Вах и 1969 г., р. Казым). В первом случае на поминальном столе на кладбище были вяленая и сушеная рыба, хлеб, чай, вино. Кроме того, была принесена сырая рыба, которую сварили в котле, пока готовили могилу [ПМА, 1957]. Во втором случае на столе лежали белый и черный хлеб, сушки, печенье, вафли, традиционное лакомство «варка» (рыбья икра и брюшки рыб, вываренные в рыбьем жире), сливочное масло, сахар, конфеты, варенье из морошки, компот из магазина, сухое молоко (его разводили водой и в кружках ставили перед могилами ранее умерших родственников), по две бутылки водки и красного вина и, разумеется, был чай [ПМА, 1969; 9, 97-100]. В 1966 г. я получила разрешение М.И. Шешкиной присутствовать на поминках ее родственников на кладбище пос. Ломбовож (р. Ляпин, приток Северной Сосьвы). Поминальная трапеза состояла из принесенных с собой из дома вареной рыбы, хлеба, сахара, молока, печеных шанег (типа ватрушек, но с вареньем), обжаренных в сале кусочков мяса [ПМА]. В 1973 г. в пос. Лопхари (р. Куноват) я наблюдала поминки по ханту Яркину (он был пьян и замерз на этом месте зимой). На импровизированном столе (из ящиков) были выставлены вино, вареная рыба, пряники, печенье, конфеты [ПМА; 9, 266].

Для ханты, манси, ненцев весьма характерно, что и на праздниках у них было мало еды. На медвежьем празднике все ждали, когда можно будет есть медвежье мясо (его ели в последнюю, 4-5-ю ночь праздника), все вечера, когда шел праздник, обходились тем, чем придется: водку и вино закусывали рыбой, хлебом, сушкой. Это характерно и для нового советского праздника День рыбака.

Особая тема – алкоголь и алкоголизм. До революции спирт и водку на Север к аборигенам привозить запрещалось (хотя купцы и промышленники их доставляли, меняли на пушнину). В 1920-е годы, по настоянию этнографов, завоз спирта на Север тоже был запрещен, сухой закон действовал по 1935 г. Однако спирт появился после Отечественной войны. При этом сначала (до середины 1950-х годов) его завозили в бочках. Благодаря вмешательству этнографов сначала был запрещен его завоз в бочках (только в бутылках), а к середине 1970-х годов он был полностью запрещен.

Водку, вино, коньяк завозили в больших количествах. В совхозе по сравнению с колхозом выросли заработки. Торговые сети сразу этим воспользовались – завоз алкоголя увеличился в два раза. Так, в с. Полноват с весны 1969 г. завезли 4 тыс. ящиков вина, позднее – еще 1300 ящиков (по 285 бутылок на хозяйство). Председатель сельского совета протестовал, сказал, что «можно было бы завести меньше». 13 июля праздновали День рыбака (советский праздник, довольно прочно вошедший в быт обских рыбаков). На окраине Полновата было гуляние. Магазин торговал вином и рыбными закусками. Группа женщин на берегу варила в большом котле уху из свежей рыбы. Угощение сопровождалось песнями, плясками. Были две драки с телесными повреждениями [ПМА, р. Обь, Казым]. В 1962 г. в Овгорте на р. Сыня было завезено 610 ящиков вино-водочных изделий на 600 чел.). В 1965 г. в Сургутском районе (р. Б. Юган и др.) план продажи вино-водочных изделий на 1-й квартал перевыполнен в 4 раза: план – на 9-10 тыс. руб., завоз – на

38852 руб. В первом полугодии в двух магазинах на Б. Югане (около 1000 чел.) продуктов продано на 86,5 тыс. руб., алкоголя – на 38, 8 тыс. руб. [ПМА, 1965]. В 1971 г. в пос. Овгорт (р. Сыня) привезли 4 тыс. ящиков водки, 400 ящиков спирта на 800 человек – столько, что получилось по одной бутылке алкоголя на одного человека на 2,5 дня [ПМА, 1971]. «Водки продают иногда до 50 % всех товаров и продуктов» [ПМА, р. Б. Юган, 1989]. В 1988 г. в пос. Колекъеган на притоке р. Вах пили с 5 по 14 июля [ПМА]. Вся работа останавливалась. В качестве оправдания обильного завоза алкоголя чаще всего выдвигались доводы: тяжелые природные условия (морозы) и работа в тайге, на реках требует средств, чтобы согреться (хотя массовое пьянство характерно для весенне-летнего сезона, когда происходил основной завоз алкогольных напитков), а также слабость пропагандистской работы среди населения [ПМА].

Первые баржи, которые должны были везти продукты и товары, везли алкогольные напитки: «... алкогольные напитки завозятся в неограниченном количестве и в первую очередь. Так... на базу из продовольствия были завезены лишь консервированная маринованная капуста (очевидно, для закуски), печенье, некоторые крупы и сахар, на складе уже было более 600 ящиков с вином... В пос. Азово склад был забит ящиками с вином, много вина было на складах в пос. Ямгорт, Лопхари и др.» [ПМА, р. Сыня, 1962]. «Снабжение продуктами и товарами не удовлетворяет население: в основном, консервы, много вина, хотя оно распределяется через организации» [ПМА, р. Б. Юган, 1989]. «Сегодня в поселке поголовное пьянство, вина нынче завезли очень много: одна самоходка привезла продукты (консервы), а три – вино (!). Население уже обращалось в рыбкооп и райпотребсоюз, жалуясь, что не хватает товаров (например, детской обуви), а вина – избыток. Им ответили: «жалуйтесь хоть в Москву, мы все равно будем завозить вина много». «Все пропивают». Пьют много все,

не только ханты: «Вчера бухгалтер рыбкоопы в пьяном виде стащил в магазине три бутылки вина, второй отобрал вино у ханта, выпил его и избил ханта» [ПМА, пос. Угут, 1989]. Торговля алкогольными напитками происходила в любое время, без ограничений. Завозили также много одеколону, который пили, когда не было водки и вина, кроме того он был дешевле. Спекуляция алкоголем процветала, особенно в виде продажи его в неурочное время (даже ночью), перед очередным завозом, при скупке частными лицами (приезжими) пушнины и ценной обской рыбы. Так, в Угута (р. Б. Юган) состоялось выездное заседание суда над продавцами, реализовывавшими водку за 50 руб., одеколон – за 10 руб. и получавших по 16 тыс. руб. в месяц [ПМА, 1989]. Выдача алкогольных напитков в долг зафиксирована мной в 1962 г. на р. Сыня [9, 116]. Водка шла вместо денег: ею расплачивались за работу. «В пос. Овгорт 30 июня с. г. при выгрузке товаров на базе практиковали расчет за выгрузку вином и после этого была драка перепившихся грузчиков, зафиксированная районным отделением милиции» [ПМА, р. Сыня, 1962].

По моим полевым материалам, доля алкоголя в доходах населения составляла от 10-20 до 50 %. Так, в 1989 г. на Б. Югане по отношению к закупаемым продуктам водка и одеколон составляли 50 и 10 % в некоторых семьях [ПМА]. «Водки продают иногда до 50 % от всех товаров и продуктов. Пьют и ханты, и русские, и старые и малые» [ПМА, р. М. Юган, 1988]. Из докладной записки: «Удельный вес алкогольных напитков в бюджете коренного населения, судя по нашим расспросам, велик (от 1/4 до 1/3 и даже до 1/2 всего бюджета), т. к. снабжение необходимыми товарами не налажено, а вино в продаже есть всегда» [11, 358-359; ПМА, р. Сыня, Куноват, 1962; р. Б. Юган, 1965, 1989]. Немало конкретных примеров в моих полевых дневниках: Река Вах. Из интервью с П. С. (65 лет): Зимой добыл около 800 белок, сдал на 6 тысяч рублей. Жена (70 лет) пилила дрова на зве-

роферме, получила 500 рублей. Одежду и обувь шьют сами. В доме из мебели только одна скамья, спят и сидят на полу. В этом году купили 2 пары сапог за 130 и 96 руб., потом пальто за 250 руб., 2 костюма за 156 и 692 руб., муки 250 кг, а также приобрели оленья-важенку за 300 руб. Сколько тратят денег на питание не знают. Но говорят, что больше пропивают [ПМА, 1957].

Пьянство было очень широко распространено не только среди аборигенов, но и остального населения, в том числе среди руководителей, приезжих специалистов «Пьянствуют все – и мужчины, и женщины, старые и малые, в выходные дни и в будни» [ПМА, 1971]. В 1970–1980-х гг. в пос. Угут пьянство усилилось под влиянием стоявшей в поселке сейсмической экспедиции. Пьянство плохо влияло на здоровье населения. Было много несчастных случаев, драк, увечий, даже убийств и суицидов на почве пьянства [ПМА, р. Сыня, 1962-1963, 1971- 1972; р. Согом, 1963; р. Ляпин, 1966; р. Вах, 1988; р. Аган, Б. Юган, 1989 и др.]. Из докладной записки: «Это отражается и на здоровье населения, и на его материальном положении, и на трудовой дисциплине. Надо сказать, что многие русские специалисты, даже руководители совхозов, члены партии злоупотребляют спиртными напитками и не являются примером для коренного населения (пос. Овгорт, Ямгорт)... Пьянки во время работы ведут к поломке техники (особенно сильно пьянствуют мотористы), к несчастным случаям... Необходимо серьезно этим заняться и принять действенные меры... Надо ликвидировать такое положение, ограничить торговлю спиртными напитками за счет всемерного улучшения и расширения торговли товарами первого спроса» [11, 358-359]. В своей статье, посвященной проблеме алкоголизма у различных коренных народов Севера (в том числе хантов и манси), Е.А. Пивнева рассмотрела ряд связанных с этим вопросов, в частности, проанализировала статистические данные, свидетельствующие об алкоголизме как факторе ухудшения здоровья, повышенной

смертности и низкой продолжительности жизни у данных народов [15, 67-72].

Причин пьянства было много, отчасти о них было уже сказано. Интересна интерпретация этой проблемы ханты. Так, ханты Леонид Куртямов из маленького селения Вытвожгорт на р. Сыня о жизни в крупных поселках выразился так: «Народ портится: занятий в поселке нет, родни много, поэтому сильно пьют» [ПМА, 1972]. На это указывает и Е.А. Пивнева в отношении ненцев, живущих в тундре и поселке [15, 79]. Это действительно так: с реорганизацией хозяйств и сселением населения в крупные поселки (подчас недостаточно продуманных), утерей постоянных привычных занятий и уклада жизни, ушло и привычное мироощущение. Про жизнь в селении Тайлаково краевед из пос. Угут (р. Б. Юган) П.С. Бахлыков написал статью в районную газету «Нефтеюганский рабочий» (27 июля 1989 г.): нормальная жизнь и мироощущение нарушились: в 300 м от селения – подбаза геологической экспедиции с шестью емкостями горючего по 700-1000 куб. м, на реке шириной в 40 м «снуют» многочисленные катера, баржи: «Круглый год висят над головой вертолеты с бочками, трубами». Мне говорили, что в некоторых традиционных селениях, расположенных рядом с нефтяными вышками, при тесном соседстве с нефтяниками, пренебрежительно и неуважительно относящихся к ханты, некоторые из последних «ходят с опущенными глазами» [ПМА, р. Б. Юган, 1989]. «Добывать нечего, зарплата нет, а денег под аванс, хотя бы на муку коопзверопромхоз, чьими работниками являются жители стойбища, не дает. ... Раньше ханты промышляли зверя в 6-8 км от стойбища, сейчас им приходится удаляться за 36-40 км. Куда бы ни пошли – везде нефтяные вышки, в заповедник «Юганский» не пускают... Клюкву женщины берут крадучись» [ПМА, р. М. Юган, 1988].

«Русские не довольны, что для ханты много привилегий, а работают они не всегда хорошо, нарушают дисциплину (из-за

пьянства), у них низкий уровень культуры, когда выпьют, буянят, их приходится усмирять. Ханты не довольны, тем, что “все начальники – русские”. Все они командуют, усмиряют их пьяных, хотя и сами пьют и дебоширят» [ПМА, р. Б. Юган, 1989]. Непонимание приезжим населением (в том числе и руководством) мировоззрения, уклада жизни и быта ханты, манси, ненцев, селькупов, эвенков характерно для этого периода. Их упрекают в том, что они не дисциплинированы. Но ведь их традиционный уклад, связанный с сезонностью промыслов, требовал иначе строить свой быт, колхозная дисциплина была им чужда. Они «не умеют жить» [ПМА, р. Средняя Обь, 1958; р. Б. Юган, 1989], например, копить деньги, рассчитывать и делать запасы продуктов и товаров на определенный срок и т. п. (так, ханты и манси довольно долго не откладывали деньги на будущее, не имели вкладов в сберкассах вплоть до конца 1980-середины 1990-х годов). Аборигены привыкли жить одним днем – завтра в речке, что находится рядом, можно наловить рыбы, в лесу, окружающем селение, добыть дичи и т. д. – веками и тысячелетиями такова была окружающая их среда и их мироощущение.

Можно сказать, что в ряде селений аборигены жили в состоянии постоянных стрессов и депрессии. Об этом пишет и Е.А. Пивнева в упомянутой выше статье [15, 72-75]. Вслед за другими исследователями, в том числе биологами, она отметила генетическую обусловленность специфического характера пьянства и алкоголизма у коренных народов Севера (быстрое формирование алкогольной зависимости и особая картина развития алкоголизма в связи с их особенностями обмена веществ). К этому я добавила бы еще одну характерную черту хантов и манси – водку они пьют, обычно почти не закусывая; к тому же их повседневная белковая пища это рыба (и то не всегда), мясо они едят крайне редко. Е.А. Пивнева подчеркивает также, что алкоголизм у народов Севера – «свидетельство социальной дезадаптации» [15, 75-79].

Нельзя сказать, что с алкоголизмом не было борьбы. Ее вели и местные, и центральные (районные, окружные) органы власти (меры – запреты, ограничения, талоны, сухой закон). В разные годы местное руководство райисполком, сельсовет, сход жителей селения выступали против обильного завоза алкоголя [ПМА, р. Сыня, 1962], за введение сухого закона [ПМА, р. Сыня, Куноват, 1971-1973], вводили ограничения продажи алкогольных напитков - по количеству (постановление схода пос. Варьеган: «не продавать массово» [ПМА, р. Аган, 1989], во время путины и покоса [ПМА, р. Вах, 1957], по будням (только по субботам) [ПМА, р. Б. Юган, 1965], по воскресеньям [ПМА, р. М. Юган, 1988], по выходным дням [ПМА, р. Вах, 1988], часам, например, с 10 ч. утра [ПМА, р. Куноват, 1962], по талонам [ПМА, р. Вах, 1988; р. М. Юган, 1988], распределять по организациям [ПМА, р. Б. Юган, 1989]. Усков (председатель Угутского сельсовета) говорил, что запретят торговать в будни. Немцов, зав. рыбкоопа – “сам пьяница”. Года три назад ограничивали торговлю вином, продавали понемногу по субботам. Тогда «жили хорошо» [ПМА, р. Б. Юган, 1965].

Это было характерно для всего Севера [15, 80]. Многие отмечали, что с введением подобных ограничений «некоторые перестали пить» [ПМА, р. Б. Юган, 1989], «пьяных не видно» [ПМА, р. Аган, 1989]. Согласно Указу правительства 1985 г., по всей стране вводилось ограничение на продажу вино-водочных изделий. Это вызвало недовольство пьющей части населения, но было поддержано многими, особенно женщинами, мужья которых пропивали последние деньги, они говорили: «стало лучше» [ПМА, р. Аган, 1989]. Из докладной записки: «По общему признанию многих жителей обоих поселков, в последние годы, после принятия Указа 1985 г. завоз вино-водочных изделий сократился» и положение в поселках улучшилось: пить стали меньше, меньше стало пьяных на улицах, в общественных местах, снизи-

лось число смертей на почве алкоголизма. Например, в Угутском с/с в 1982–1983 гг. в год умирало 20–22 чел. в 1986–1987 гг. – по 9–10 чел. Некоторые ханты сами бросили пить, не пьют по 10–15 лет, но таких еще мало. Пока сами ханты и ненцы еще не объявили войну алкоголю» [ПМА, р. Аган, пос. Варьеган, р. Б. Юган, пос. Угут, 1989; 12, 206; 15, 81]. В Угута с 1985 г. был введен сухой закон. На это лето завезли всего 160 бутылок. Несколько лет назад водку не завозили года два, ханты приделались. Варили пиво [ПМА, 1988, 1989]. Потом началась борьба: был процесс над продавцами, продававшими водку по 50 руб., одеколон – по 10 руб.). Когда продают вино, на улицах много пьяных» [ПМА, р. Б. Юган, 1989].

Однако с ограничением завоза алкогольных напитков усиливались браговарение, употребление одеколona, токсикомания. Немало завозят и пьют одеколон (в Варьегане в 1989 г. мы наблюдали, как ханты и ненцы, живущие в тайге, брали по 5–8 флаконов одеколona). Многие часто варят брагу, гонят самогон. Сильно развита спекуляция водкой (1 бутылка стоит от 40 до 70 руб.) и одеколоном (10 руб. за пузырек), в т. ч. и в торговой сети» [12, 206]. В 1980-х годах стали пить даже лесную воду, духи, стеклоочистители, распространилась (особенно среди молодежи) токсикомания. Было много случаев отравления и даже смертей [ПМА].

Важная проблема в распространении алкоголизма – это доля алкоголя в товарообороте, от которого зависели выполнение плана и премии продавцов, зарплата продавца – начислялась с выручки. Задача продавца – выполнить план товарооборота, а это легче всего сделать на продаже массовых и дорогих продуктов и товаров. Таким товаром была водка: «...уровень продажи водки повысился, а ряда продовольственных и промышленных товаров снизился. Это связано не только с желанием увеличить выручку, но и с плохой работой торговых организаций...» [ПМА, р. Б. Юган, 1965]. Из докладной записки: «Продавцы

работают с выручки, поэтому в любое время дня и ночи готовы продать вино населению» [11, 359]. От этого зависят их зарплата и премиальные. На торговле ограниченного и дешевого ассортимента продуктов и товаров план не сделаешь.

Существенным также было то, что только торговля в сельских поселках, где, как правило, не было своего хоть сколько-нибудь существенного производства, приносила наличные деньги, необходимые для выплат зарплат, пенсий, пособий и т. п. «Трудности с наличными» испытывали постоянно, об этом не раз жаловались руководители рыбокоопов [ПМА, р. Сыня, с. Овгорт, Мужы, 1962; р. Б. Юган, 1965, 1989 и др.]. В беседе со мной в 1962 г. первый секретарь РК КПСС Г.С. Дударев сказал, что на Севере без водки нельзя – холодно. Он считает, что здесь пьют меньше, чем в Москве и Тюмени (на душу населения), бывает, что не хватает водки. На ней держится бюджет района. В то же время ханты пропивают все свои заработки [ПМА; 9, 146].

Таким образом, бюджеты сельских советов, районов зависели от наличных денег, вырученных от торговли: «К сожалению, от выручки торговых организаций зависят бюджеты районов, заработки продавцов. Сейчас, при гарантированной зарплате в совхозах и рыбоучастках в банке нередко не хватает наличности для расчета с рабочими, тут тоже приходит на помощь торговля спиртными напитками... Надо исключить из выручки продавца выручку за спиртные напитки» [ПМА, р. Сыня, 1962; 11, 359]. Это явление было характерно для всего Севера.

Подведем итоги. Торговля на Севере среди коренного населения функционировала с большими недостатками: был ограниченным ассортимент продуктов и товаров, они завозились в торговые точки нерегулярно (бывали периоды, когда в магазинах нечего было купить даже из продуктов), большую долю в товарообороте занимали алкогольные напитки, они поглощали до 30–40 % доходов населения, вели

к утрате здоровья, несчастным случаям, росту смертности, убийствам, суицидам. Пьянство – бич для аборигенов, ужасающее бедствие. С одной стороны, торговля была уродливой – торговые организации не были гибкими, не учитывали спрос населения (в том числе национальный) на те или иные продукты и товары, которые могли быть и дорогими (что важно для выполнения плана товарооборота и получения наличных денег). С другой стороны, существовали и непреодолимые в то время объективные причины для подобной ситуации: во-первых, экономика в стране была дефицитной, нужных продуктов и товаров, средств для их транспортировки не хватало, в том числе и для Севера, во-вторых, – и это очень важно! – бюджеты в районах и

сельских советах, благополучие населения целиком зависели от торговли, выручки, наличия живых денег. Думаю, это было характерно для сельской местности не только Севера и Сибири, но и других регионов России, в том числе центральных. Да, товаров и продуктов не хватало, сказывалась дефицитная экономика. Но в то же время перебоев в производстве алкогольных напитков никогда не было, даже в периоды 1970-1980-х, когда и в Москве полки в магазинах были пустыми, вино-водочные изделия постоянно были в продаже и в неограниченных количествах. Они приносили наличные деньги и решали проблемы бюджетов (особенно местных, где не было крупного производства).

Источники и литература

1. Полевые материалы автора (далее – ПМА): 1956 г. – р. Казым, ХМАО; 1957 г. – р. Вах, ХМАО; 1958 г. – р. Средняя Обь, Кеть (Томская обл.); 1962 г. – р. Сыня, Куноват, ЯНАО; 1963 г. – р. Согомка, ХМАО, р. Сыня, ЯНАО; 1965 г. – р. Согомка, Н. Обь, Б. Юган, ХМАО; 1966 г.; р. С. Сосьва, Ляпин, ХМАО; 1969 г. – р. Казым, ХМАО; 1971 г. – р. Сыня, ЯНАО; 1972 г. – р. Сыня, Н. Обь, Куноват, ЯНАО; 1973 г. – р. Куноват, ЯНАО; 1988 г. – р. Вах, Колекъеган, М. Юган, ХМАО; 1989 г. – р. Аган, Б. Юган, ХМАО.
2. Докладные записки: ЭЭ – 1. Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1956-1958 годы. М., 2004. 368 с.: ЭЭ – 2. Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1959-1962 годы. М., 2005. 409 с.: ЭЭ – 3. Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1963-1980 годы. М., 2006. 379 с.: ЭЭ – 4. Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1981-1984 годы. М., 2006. 314 с.: ЭЭ – 5. Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1985-1994 годы. М., 2006. 314 с.
3. Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. (Концепция развития). М., 1988. 94 с.; М., 1989. 85 с.
4. Соколова З.П. Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера // История СССР. М., 1990, № 1. С. 155-156.
5. Соколова З.П. Народы Севера: прошлое, настоящее и будущее // Советская этнография. – 1990. – № 6. – С. 17-32.
6. Карлов В.В. Народности Севера Сибири: особенности воспроизводства и альтернативы развития // Советская этнография. – 1991. – № 5. – С. 3-13.
7. Неотрадиционализм на Российском Севере. М. 1994. 225 с.
8. Соколова З.П. Поездка в Томскую область в 1958 г. // Полевые исследования Института этнологии и антропологии (далее – ПИИЭ). 2002. М., 2004. С. 192-203 и др. (ПИИЭ, 2005, 2006, 2007, 20012, 2014).
9. Соколова З.П. Северные ханты (Полевые дневники). М., 2011. 351 с. К сожалению, и статьи в ПИИЭ, и эта книга были изданы очень небольшим тиражом и до сибирского читателя не дошли.
10. Соколова З.П. Вопросы социально-культурного и экономического развития хантов. 1988 // ЭЭ-5. С. 159-168.

11. Соколова З.П. О современном положении хантов Шурышкарского района Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области // ЭЭ-2. С. 324-359.
12. Соколова З.П. Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов Сургутского и Нижневартовского районов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов Тюменской области // ЭЭ-5. С. 191-210.
13. Долгих Б.О., Файнберг Л.А. О положении коренного населения Авамского района Таймырского национального округа // ЭЭ-1. С. 185-203.
14. Соколова З.П. Докладная записка по материалам поездки в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа Тюменской области // ЭЭ-3. С. 64-70.
15. Пивнева Е.А. Этнодемографические аспекты проблемы алкоголизма у малочисленных народов Севера // В поисках себя. Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М., 2005. С. 65-84.

References

1. Polevye materialy avtora (dalee – PMA): 1956 g. – r. Kazym, HMAO; 1957 g. – r. Vah, HMAO; 1958 g. – r. Srednjaja Ob', Ket' (Tomskaja obl.); 1962 g. – r. Synja, Kunovat, JaNAO; 1963 g. – r. Sogomka, HMAO, r. Synja, JaNAO; 1965 g. – r. Sogomka, N. Ob', B. Jugan, HMAO; 1966 g.; r. S. Sos'va, Ljapin, HMAO; 1969 g. – r. Kazym, HMAO; 1971 g. – r. Synja, JaNAO; 1972 g. – r. Synja, N. Ob', Kunovat, JaNAO; 1973 g. – r. Kunovat, JaNAO; 1988 g. – r. Vah, Kolek#egan, M. Jugan, HMAO; 1989 g. – r. Agan, B. Jugan, HMAO.
2. Dokladnye zapiski: JeJe – 1. Jetnologicheskaja jekspertiza. Narody Severa Rossii. 1956-1958 gody. M., 2004. 368 s.: JeJe – 2. Jetnologicheskaja jekspertiza. Narody Severa Rossii. 1959-1962 gody. M., 2005. 409 s.: JeJe – 3. Jetnologicheskaja jekspertiza. Narody Severa Rossii. 1963-1980 gody. M., 2006. 379 s.: JeJe – 4. Jetnologicheskaja jekspertiza. Narody Severa Rossii. 1981-1984 gody. M., 2006. 314 s.: JeJe – 5. Jetnologicheskaja jekspertiza. Narody Severa Rossii. 1985-1994 gody. M., 2006. 314 s.
3. Jetnokul'turnoe razvitie narodnostej Severa v uslovijah nauchno-tehnicheskogo progressa na perspektivu do 2005 g. (Konceptija razvitiya). M., 1988. 94 s.; M., 1989. 85 s.
4. Sokolova Z.P. Perestrojka i sud'by malochislennyh narodov Severa // Istorija SSSR. M., 1990, № 1. S. 155-156.
5. Sokolova Z.P. Narody Severa: proshloe, nastojashhee i budushhee // Sovetskaja jetnografija. – 1990. – № 6. – S. 17-32.
6. Karlov V.V. Narodnosti Severa Sibiri: osobennosti vosproizvodstva i al'ternativy razvitiya // Sovetskaja jetnografija. – 1991. – № 5. – S. 3-13.
7. Neotradicionalizm na Rossijskom Severe. M. 1994. 225 s.
8. Sokolova Z.P. Pоеzdka v Tomskuju oblast' v 1958 g. // Polevye issledovanija Instituta jetnologii i antropologii (dalee – PIIJe). 2002. M., 2004. S. 192-203 i dr. (PIIJe, 2005, 2006, 2007, 20012, 2014).
9. Sokolova Z.P. Severnye hanty (Polevye dnevniki). M., 2011. 351 s. K sozhaleniju, i stat'i v PIIJe, i jeta kniga byli izdany ochen' nebol'shim tirazhom i do sibirskogo chitatelja ne doshli.
10. Sokolova Z.P. Voprosy social'no-kul'turnogo i jekonomicheskogo razvitiya hantov. 1988 // JeJe-5. S. 159-168.
11. Sokolova Z.P. O sovremennom polozhenii hantov Shuryshkarskogo rajona Jamalo-Neneckogo nacional'nogo okruga Tjumenskoj oblasti // JeJe-2. S. 324-359.
12. Sokolova Z.P. Aktual'nye voprosy sovremennogo razvitiya jekonomiki i kul'tury hantov Surgut'skogo i Nizhnevarтовskogo rajonov Hanty-Mansijskogo i Jamalo-Neneckogo okrugov Tjumenskoj oblasti // JeJe-5. S. 191-210.
13. Dolgih B.O., Fajnberg L.A. O polozhenii korenного naselenija Avamskogo rajona Tajmyrskogo nacional'nogo okruga // JeJe-1. S. 185-203.
14. Sokolova Z.P. Dokladnaja zapiska po materialam pоеzdki v Hanty-Mansijskij i Jamalo-Neneckij okruga Tjumenskoj oblasti // JeJe-3. S. 64-70.
15. Pivneva E.A. Jetnodemograficheskie aspekty problemy alkoholizma u malochislennyh narodov Severa // V поисках себя. Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М., 2005. S. 65-84.